

— Вернулся, — отозвался Су Цзитун и в хорошем настроении отправился на второй этаж.

Су Хуэйи сидел в коридоре, примыкающем к гостиной, и смотрел на маленький дворик. Стоило Су Цзитуну переступить порог, как он поспешил укрыться здесь — ему нужно было настроиться.

Хлысь — раздвижная дверь за спиной внезапно отворилась. Су Хуэйи обернулся: над ним, глядя сверху вниз, возвышался Су Цзяньчэнь.

Солнце клонилось к закату, небо над садом потемнело. Свет из дома падал на коридор, и высокая фигура Су Цзяньчэня перекрывала его, отбрасывая на макушку Су Хуэйи густую тень.

— Родители дома, — сказал Су Цзяньчэнь. — Помни, о чём ты говорил: если признаешься, я тебя прощу.

На обеденном столе изобилие яств, открыта бутылка вина.

Су Цзитун в прекрасном расположении духа поднял бокал:

— Итак, сегодня у нас праздничный ужин! — несколько бокалов столкнулись в воздухе с мелодичным звоном.

Су Хуэйи поднёс бокал к губам и сделал крошечный глоток.

«Шикарный прощальный ужин перед казнью, да ещё и вином поят для храбрости», — подумал он.

Су Хуэйи глубоко вздохнул, собираясь с духом, и уже открыл рот, но Су Цзитун опередил его:

— Только сегодня узнал: дети мистера Хэ — настоящая головная боль. Старший завёл себе любовницу-актрису, а младший взял и выложил всё как на духу. И как только родные братья могут так друг к другу относиться?

Сказав это, он заметил открытый рот Су Хуэйи:

— Ты тоже удивлён, верно?

— ...Угу, — Су Хуэйи медленно закрыл рот и уткнулся в тарелку с рисом.

Су Цзитун продолжил:

— А старший возьми и заяви отцу, что младший крутит сразу с тремя, так что он, мол, ещё более постоянен в своих связях, чем он сам с этой актрисой. Где это видано, чтобы братья так уничтожали друг друга?

Су Хуэйи поперхнулся.

Су Цзяньчэнь хмыкнул:

— Вот вам и братья, знавшиеся десяток-другой лет. Чужая душа — потёмки!

Дальнейший разговор за столом вертелся вокруг «фальшивых братских уз в богатых семьях», и даже Юй Синьянь подключилась к обсуждению.

Су Хуэйи, чувствуя себя задетым за живое, молчал весь ужин. Заметив, что Су Чи тоже хранит молчание, он бросил на него вопросительный взгляд.

Су Чи посмотрел на него с глубоким смыслом: «Всё это лишь дешёвое позёрство».

Су Хуэйи: «...»

Ужин близился к концу среди жарких споров. Су Цзитун поднял бокал для финальной речи:

— В семье мир — всё получается! Как хорошо, что вы у меня бесппроблемные!

Блики от хрустальной люстры упали ему на плечи, словно сияние заслуженных наград.

Дрогнув, Су Хуэйи уронил палочками два зернышка риса. Он поднял взгляд на Су Цзяньчэня — тот смотрел в ответ, и его взгляд был ошутим физически.

Су Хуэйи отложил приборы и облизнул пересохшие губы:

— Папа.

Су Цзитун, чью речь прервали, повернулся к нему:

— Что такое?

Су Хуэйи собрался с мыслями. Положив ладони на колени, он принял искренний вид:

— Я хочу признаться в проступке.

Су Цзитун будто бы сбросил с себя наносное сияние, Юй Синьянь тоже отложила палочки, внимательно следя за происходящим. Су Чи продолжал невозмутимо есть, словно предвидел, к чему всё идёт.

— Тот бонсай с нандайной, [его] опрокинул я.

Стоило начать, и дальше слова потекли легче. Су Хуэйи чеканил каждое слово:

— Я испугался, что папа будет ругать, поэтому сказал, что бонсай упал сам.

Су Цзитун отложил миску. Лицо его становилось всё серьёзнее.

Атмосфера за столом, ещё миг назад праздничная и безмятежная, вмиг рассеялась, словно перед грозой, когда небо заволакивают тяжёлые тучи.

Но Су Хуэйи не остановился.

Он старательно препарировал свою порочную душу:

— Мне показалось, что бонсай второго брата красивее, и я толкнул его. Мало того — я сочинил небылицы, оклеветал второго брата и свалил свою вину на него.

Он каялся:

— Зависть ослепила мои глаза, сбила с толку, и я, помутившись рассудком, причинил вред сво... — Грохот!

Звук упавшей миски оборвал его слова.

Но её уронил не Су Цзитун, а Су Цзяньчэнь.

Губы Су Цзяньчэня сжались в тонкую линию, грудь тяжело вздымалась, а на волевом лице проступил гнев. Внимание Су Цзитуна сразу переключилось на него:

— Второй?

Су Цзяньчэнь и сам не понимал, что с ним творится.

Вероятно, он не ожидал, что Су Хуэйи признается в таких деталях. Реальность опрокинула все его домыслы, и теперь, когда цель была достигнута, в душе не было ни облегчения, ни торжества.

— Довольно! — сдавленным голосом выдохнул Су Цзяньчэнь. — Я знаю, ты не хотел, не надо так изъясняться.

Су Хуэйи, застывший в удивлении после того, как его перебили, теперь смотрел на брата с немым вопросом: «Ты о чём вообще?»

Су Чи тоже перестал есть и поднял взгляд на брата.

Су Цзяньчэнь чувствовал, что выглядит сейчас глупо — совсем не как победитель, вышедший из схватки триумфатором.

Не обращая внимания на странные взгляды остальных, он с грохотом отодвинул стул, встал и в ярости рывкнул на Су Хуэйи:

— Иди за мной!

Су Хуэйи вздрогнул. Идти, чтобы получить оплеуху?

...Су Цзитун смотрел, как младший сын уходит вслед за вторым, а затем следом поднялся и старший. Он внезапно почувствовал себя здесь лишним.

Когда все три сына скрылись, Су Цзитун обернулся к Юй Синьянь:

— Эх, как же так: такой послушный ребёнок — наш Сяо И — а тоже обманывает.

Юй Синьянь отнеслась к этому спокойнее:

— Кто из нас не ошибается? Раз он смог признаться в такой обстановке — значит, раскаивается от чистого сердца.

Су Цзитун почувствовал утешение:

— И то верно. Я лишь хочу, чтобы они жили дружно, чтобы это не отразилось на их отношениях.

Юй Синьянь отозвалась:

— Второй раз позвал его за собой — значит, готов к диалогу.

Су Цзитун был глубоко обеспокоен:

— Но второй горяч. Как думаешь, они не подерутся?

Юй Синьянь напомнила:

— А старший для чего пошёл?

Су Цзитун прозрел:

— Ты хочешь сказать, что они устроят коллективную драку?

— ...

В маленьком дворике на деревянный настил падал оранжевый свет лампы. У подножия импровизированной скалы поблёскивала гладь искусственного водоёма, изредка подергиваясь рябью.

Су Хуэйи стоял под навесом коридора, перед ним — встревоженный Су Цзяньчэнь, позади — Су Чи, прислонившийся к дверному косяку.

Вихор на макушке Су Хуэйи дрогнул, а в голове пронеслись молниеносные мысли.

Если сейчас прилетит кулак — встречать его затылком или теменем?

— Су Хуэйи.

— А? — Су Цзяньчэнь впервые назвал его по имени. Стоило Су Хуэйи поднять взгляд, как он утонул в чужих глазах, полных противоречивых эмоций. — Вто... второй брат.

— Что ты вообще имел в виду?

Су Цзяньчэнь не стал драться. В нетерпении он сделал пару шагов взад-вперёд, снова глядя в глаза Су Хуэйи:

— Ты понимаешь, к чему это приведёт? Впечатление отца о тебе теперь испорчено, он может перестать тебе доверять и баловать.

Су Хуэйи замешкался, только сейчас осознав, что Су Цзяньчэнь не собирается его бить.

— Ты ему не родной сын, ты хоть понимаешь, что значит потерять его доверие...

— Но я этого доверия не заслужил, — тихо перебил Су Хуэйи. — Если совершил ошибку — нужно признать. Я сказал, я сделал.

Су Цзяньчэнь не нашёлся что ответить.

Когда человек совершает гадость, до наказания он вызывает лишь досаду, но когда он добровольно платит цену значительно выше содеянного, это вызывает невольное сочувствие — кажется, что наказание было несоразмерно жёстким.

Он мысленно выругал себя за то, что несёт околесицу: ведь это он требовал признания, а теперь жалеет.

Лучше бы Су Хуэйи молчал — тогда он мог бы с чистой совестью продолжать извергать яд, а не чувствовать себя здесь, в этой двусмысленной ситуации, связанным по рукам и ногам.

Су Хуэйи увидел это выражение лица и понял, в чём тот сомневается:

— Насчёт бонсая, да и многого другого в прошлом — это всё моя вина, признаться было необходимо. Второму брату не обязательно прощать меня так скоро, я буду шаг за шагом заглаживать свою вину.

Повисла короткая тишина. В чёрном небе слышалось лишь тяжёлое дыхание Су Цзяньчэня, словно он с чем-то боролся.

— ...Чёрт, — спустя долгое время тихо выругался он.

Бросив на Су Хуэйи взгляд, Су Цзяньчэнь сжал кулаки и, развернувшись, зашагал прочь:

— Делай что хочешь!

Фигура Су Цзяньчэня скрылась за дверью, уходя в сторону гостиной.

Во дворике воцарилась тишина. Лишь ночной ветерок шелестел листвой, да стояли двое.

Су Чи всё это время стоял в стороне и не проронил ни слова. С расстояния в четыре-пять метров его высокая стройная фигура казалась мощной, а плечи — широкими, подсвеченными светом, падающим из дома.

Их взгляды встретились на несколько секунд. Су Чи медленно спустился в коридор и встал прямо перед Су Хуэйи:

— Искренне раскаиваешься?

Су Хуэйи закивал, словно склёвывающий зерно цыплёнок.

Видя, что Су Чи не собирается продолжать разговор, Су Хуэйи спросил:

— Старший брат, а ты-то зачем пришёл?

Стоишь у косяка, как будто столб в дверном проёме.

<http://bllate.org/book/18282/1752281>